

Наследники Бакунина. ФОРА: рабочий анархизм в Аргентине

Вадим Дамье

2005

Конец 19 века был в европейском анархизме периодом т.н. «пропаганды действием». Начавшись в 1870-х гг. как практика анархистского повстанчества, быстро и беспощадно подавленная, эта тактика постепенно все больше сводилась к индивидуальным покушениям на венценосных особ, министров, представителей государственного аппарата и просто «богачей». «О том значении, которое современные взрывчатые вещества имеют для настоящего и будущего социальной революции, сегодня нечего больше добавить», – писал германо-американский анархист Иоганн Мост¹. Те, кто прибегал к бомбам и револьверам, стремились не запугать общество, а разбудить его. Они наивно полагали, что народ уже готов к революции, и подняться ему мешает только правительственный террор и собственная инерция. Нужна лишь пара красивых и громких жестов, чтобы все стало на свои места.

Путь «пропаганды действием» завел европейский анархизм в тупик и только изолировал его от трудящихся, от реальных социальных движений. Рабочие союзы оказались в большинстве стран в руках социал-демократии. «Это иллюзия думать, что можно победить коалицию эксплуататоров нескольким фунтами взрывчатки», – подчеркивал Кропоткин в статье, опубликованной в «Револьте»². Понадобился подъем революционного синдикалистского движения в начале 20 века, чтобы европейское либертарное движениеказалось от бесполезных и бессмысленных покушений и вновь нашло дорогу к массам.

Совершенно иным путем пошел анархизм Аргентины. Здесь в создании первых рабочих организаций принимали участие соратник Бакунина итальянец Эррико Малатеста и другие видные анархисты. Они принесли с собой на южноамериканскую почву дух Интернационала, дух массового, социального анархизма. В 1901 г. возникла общенациональная рабочая федерация (с 1904 г. называлась Аргентинской региональной рабочей федерацией — ФОРА). Вскоре после создания из нее

---

¹ Most J. Revolutionäre Kriegswissenschaft. O.O., o.J. S.3

² Цит. по: Castel A. De la Premiere Internationale à l'Association Internationale des Travailleurs. Marseille, 1995. P.14–15

ушли социал-демократы, а в 1905 г. конгресс ФОРА рекомендовал всем своим членам пропагандировать среди рабочих «экономические и философские принципы анархистского коммунизма»³. Тем самым аргентинская организация трудаящихся отвергла не только синдикалистскую концепцию «самодостаточности» синдикализма, но и идеи о «нейтральных» профсоюзах, открытых для всех наемных работников, независимо от их идейных взглядов. ФОРА считала себя продолжательницей бакунинского крыла I Интернационала, и исследователи отмечают явное сходство ее документов с резолюцией конгресса в Сент-Имье 1872 г.⁴.

ФОРА организовала множество всеобщих и частичных забастовок, а также – впервые в мировой истории – стачку квартирсъемщиков (1907 г.)⁵. «Надо сказать, что анархистское движение здесь – единственное во всем мире, – писал в начале 20 века корреспондент европейских либертарных газет, – поскольку здесь почти все рабочие – анархисты»⁶.

В организационном отношении ФОРА представляла собой федеративное объединение рабочих обществ, созданных преимущественно на профессиональной основе и связанных узами солидарности и взаимопомощи. Ее «центральный» орган – Федеральный совет, согласно утвержденной системе, должен был быть всего лишь центром связи и посредником между ними.

Ко времени окончания Первой мировой войны Аргентинская региональная рабочая федерация, несмотря на раскол 1915 г., который отделил от нее сторонников объединения с социалистическими профсоюзами и «чистых» синдикалистов (ФОРА-IX), оставалась наиболее значительной организацией в рабочем движении страны и одним из самых влиятельных профцентров Латинской Америки.

В 1922 г. она приняла участие в создании анархо-синдикалистского Интернационала, Международной ассоциации трудящихся (МАТ), рассматривая этот шаг как восстановление антиавторитарного Первого Интернационала. В то же время, ФОРА оговорила особую позицию по ряду вопросов. Так, она категорически отвергла идею о том, что профсоюзы – орган, возникший при капитализме как ответ на порождаемые им обстоятельства и служащий потому наилучшим средством рабочего сопротивления против государства и капитала – превратились в ходе революции в основу и руководящий орган нового общества. «С ликвидацией капиталистического производственного строя и господства государства синдикалистские экономические органы заканчивают свою историческую роль как особое оружие в борьбе с эксплуататорским строем и тиранией. Вследствие этого они должны уступить место свободной ассоциации и свободной федерации ассоциаций свободных производителей и потребителей», – отмечали аргентинские рабочие анархисты в меморандуме,

---

³ Цит.по: Lopez A. La FORA en el movimiento obrero /1. Buenos Aires, 1987. P.84

⁴ Ibid. P.12

⁵ См.: Yerril P., Rosser L. Revolutionary unionism in Latin America. The FORA in Argentina. L.; Doncaster, 1987; Suriano J. La huelga de inquilinos de 1907. Buenos Aires, 2005

⁶ Цит.по: Lopez Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona, 1925. P.21

направленном европейским анархо-синдикалистам⁷. ФОРА выступала против индустриальной (отраслевой) формы организации, считая, что она копирует капитализм. Наконец, она категорически отвергла любую форму «единого фронта» с профсоюзами, возглавляемыми коммунистами или социал-демократами.

К концу 1920-х гг. ФОРА насчитывала до 120 тысяч членов и сторонников, считаясь образцовой секцией МАТ и проводила успешные всеобщие и частичные забастовки, добиваясь введения 6-часового рабочего дня. Однако военный переворот 1930 г. и последовавшие затем преследования нанесли организации тяжелейший удар, от которой та так и не смогла оправиться.

В том, что касается идей, ФОРА предложила одна из первых в 20 веке целостную критику марксистско-индустриалистского взгляда на историю, современный капитализм и социальную революцию. Прежде всего, она отвергла теории линейного прогресса и марксистского исторического материализма, утверждая (вслед за Кропоткиным), что развитием человечества движут не столько экономические закономерности, сколько эволюция этических представлений и «идей-сил». В силу этого аргентинские рабочие анархисты резко осуждали экономический и исторический детерминизм, отрицали прогрессивность капитализма и его экономической организации. Теоретики ФОРА воспринимали хозяйственную структуру индустриально-капиталистического общества (фабричную систему, отраслевую специализацию, жесткое разделение труда и т. д.) как «экономическое государство» – наряду с «политическим государством», то есть властью. Новое, свободное общество должно не вырастать из закономерностей старого, а быть решительным, радикальным разрывом с ним, с самой его логикой. В его основе должны лежать вольная коммуна и свободная ассоциация, его лозунг не «Вся власть синдикатам!» а «Никакой власти никому!». Система анархического коммунизма ни в коем случае не должна строиться «в недрах» старого социального организма, иначе его ждет судьба русской революции, – предупреждал ведущий идеолог ФОРА Эмильво Лопес Аранго⁸. Пролетариат «обязан стать стеной, которая остановит экспансию индустриального империализма. Только так, создавая этические ценности, способные развить в пролетариате понимание социальных проблем независимо от буржуазной цивилизации, можно прийти к созданию неразрушимых основ антикапиталистической и антимарксистской революции – революции, которая разрушит режим крупной индустрии и финансовых, промышленных и торговых трестов»⁹. Чисто экономические интересы пролетариев при капитализме вполне реализуемы в рамках существующей системы, прежде всего, за счет других пролетариев, поэтому единый пролетарский фронт невозможен. Важно распространение навыков и идей солидарности и свободы; произойти это может и в ходе экономического прямого действия, но при этом никогда не следует упускать из виду цель. Поэтому анархистская рабочая организация должна быть открыта не просто «для всех трудящихся», а, в первую очередь, для тех, кто разделяет идею анархистского коммунизма.

⁷ Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, Amsterdam. International Working Men's Association Archive. 1st. Congress of IWMA. Berlin, 1922. No.3. Memorandum de la FORA pour le Congrès syndicaliste et industrialiste de Berlin

⁸ Lopez Arango E. Doctrina y tactica // Certamen internacional de “La Protesta”. Buenos Aires, 1927

⁹ Lopez Arango E., Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero...

Выступая за социальную революцию, свержение экономической системы капитализма, ликвидацию государственной власти и утверждение вольного коммунистического общества, ФОРА, однако, отказывалась давать какие-либо конкретные формулировки того, как должно или может выглядеть это общество. Теоретики ФОРА считали, что оно в любом случае не должно быть продуктом существующих общественных структур – будь то господствующих или тех, которые ведут с ними борьбу. Они верили в спонтанное революционное творчество масс, избавившихся от угнетения и вновь обретших стремление к солидарности, считая необходимым «дать жизнь чувствам, идеям, надеждам», а не «холодно рассчитанным планам». Освободившиеся люди должны были сами придать новому обществу анархистского коммунизма его облик. «ФОРА отвергает издание законов относительно будущего, – подчеркивали ее активисты, – не изобретает способ будущей организации и заявляет, что невозможно предвидеть, какие формы примут будущие экономические и социальные органы свободной жизни»¹⁰. Для них было скорее ясно, чем новое общество не должно было быть: рассеянные на страницах книг, изданий и документов ФОРА высказывания позволяют понять, что аргентинские рабочие-анархисты представляли себе его как систему без централизованной экономики и огромных индустриальных предприятий, без государства и классов, без денег. Все это следовало не передать в руки синдикатов, а сломать. Такой подход соответствовал основным положениям анархо-коммунизма, как они были сформулированы Кропоткиным. «Позитив» ФОРА высказывала в самой общей форме: автономные коммуны свободных людей и их ассоциации были для нее «элементарным принципом» ее идеологии, основой реорганизации общества, «подлинными ячейками социального организма».

Выступая за анархистский коммунизм, теоретики ФОРА, в то же самое время, вверяли его осуществление стихийным революционным действиям масс, проникнутых анархистскими идеями. Поэтому они возражали против того, чтобы анархисты разрабатывали какие-либо конструктивные программы и схемы функционирования будущего свободного общества, в том числе и синдикалистские модели социального устройства. Теоретики ФОРА критиковали революционный синдикализм как полу-«марксистский» по своей сути и европейский анархо-синдикализм как попытку синтезировать анархизм и революционный синдикализм. Они оспаривали представления о синдикальном устройстве послереволюционного общества и о едином классовом фронте пролетариата. «..Любое ограничение творческой спонтанности революционной волны есть авторитарная конфискация плодов революции и свободы». Регламентация неминуемо потребует создания нового аппарата власти, объяснял представитель ФОРА Абад де Сантилья в статье «Сегодняшние и завтрашние проблемы», опубликованной в 1923 г.¹¹.

ФОРА обосновала свою собственную теорию анархистского движения. Она выступала против разделения на «специфические» (идейные) анархистские группы и широкое синдикальное движение, открытое для рабочих с различными взглядами¹².

¹⁰ Ibid. P.113–114

¹¹ Цит.по: Gomez Casas J. Historia de la FAI. Madrid, 2002. P.86–89

¹² Этим самым оно порвало преемственность с анархистской мыслью Бакунина и весь смысл названия статьи теряется. Как пишет сам Дамье в другой статье под названием «Развитие анархо-коммунизма Кропоткина в либертарной мысли 1920-х — 1930-х гг.»: «Если Кропоткин выступал за

Аргентинские анархисты отстаивали концепцию массового анархистского рабочего движения. «ФОРА изначально всегда была синдикалистской организацией с ясно выраженной анархистской тенденцией, как Юрская федерация, Испанская федерация [Первого] Интернационала и т.д. И характерно, что в Аргентине никогда не смогла появиться анархистская идея без синдикалистской тенденции, как мы сегодня наблюдаем, к примеру, в Италии, во Франции, в скандинавских и германских странах, где существуют подчеркнуто анархистские организации, которые... своей замкнутостью наносят ущерб своей деятельности в рабочем движении в целом, – подчеркивалось в докладе ФОРА II конгрессу МАТ в 1925 г. – ФОРА проделала здоровое развитие к чисто анархистскому мировоззрению, поскольку ее членами были частью анархисты, частью – симпатизировавшие анархизму рабочие». В результате все анархистское движение образовало единую «среду», «гармоничное, взаимопроникающее целое»: «ФОРА рассматривает все движение, питаемое либертарными идеями, как свое собственное излучение. Границы между синдикатами, группами и отдельными членами, все из которых рассматривают анархизм как свою конечную цель, не различимы». Напротив, европейскую теорию синдикализма, изложенную в Амьенской хартии французской ВКТ, аргентинцы воспринимали, как возникшую «под покровительством социал-демократии», и заявляли о своей «очистительной оппозиции» по отношению к ней¹³.

Одновременно они подвергли критике и концепцию отдельной «идейно-политической» организации анархистов, «извне» работающей в рабочем движении (как это предлагали Малатеста, с одной стороны, и «платформисты», с другой). В противовес этому ФОРА выдвинула модель «анархистской организации трудящихся», построенной как синдикат, но выросшей не из строго экономических задач, а из идеи солидарности, взаимопомощи и анархистского коммунизма.

Таким образом, в отличие от европейских революционно-синдикалистских профсоюзов, ФОРА была одновременно организацией профсоюзной и идейно-анархистской. Она вела борьбу теми же методами «прямого действия», что и революционный синдикализм (стачки, бойкот, саботаж и т.д), но отвергала идейную нейтральность, выдвигая вместо этого недвусмысленно сформулированную анархо-коммунистическую цель. ФОРА была анархистским рабочим движением. Таким образом, она задолго до европейского анархо-синдикализма (и гораздо более последовательно) следовала принципу: анархизм – это цель, синдикализм – средство его достижения. Если сравнивать ее позицию с теми спорами, которые велись в европейском либертарном движении вокруг синдикализма в начале 20 века, то станет очевидным, что аргентинские рабочие-анархисты не разделяли ни революционно-синдикалистского представления о «самодостаточности» революционных профсоюзов, ни концепции Малатесты об анархистской работе в единых профсоюзах при одновременном существовании отдельной «политической» организации анархистов. Кроме того, сам принцип разделения на идейно-политическую

работу анархистов в революционных профсоюзах при одновременном создании внутри них анархистского центра (по типу бакунистского Альянса в Первом Интернационале), то аргентинские либертарии отвергли разделение на массовую синдикалистскую и идейную анархистскую организацию и выступили за их соединение воедино.». – прим. публикатора.

¹³ Die Internationale. 1925. Juni. Nr.5. S.97

организацию анархистов и массовую рабочую организацию, в которой действуют организованные либертари, сторонники ФОРА считали авторитарным в партийном. «Этот дуализм, – подчеркивал Абад де Сантильян, – обрекает анархизм на бессилие, поскольку антиавторитарные экономические организации никогда не согласятся на то, чтобы ими руководили организации, автономно работающие вне их рамок и не могущие избавиться от известных партийных интересов»¹⁴. ФОРА, как она себя понимала, – «это ни анархистская «партия», ни синдикалистская организация..., она – конкретизация наших идей и наших надежд, принесенных в рабочее движение и поставленных на службу полному освобождению пролетариата.., движение угнетенных и эксплуатируемых, которое отвергает угнетение и эксплуатацию человека человеком, самая широкая человеческая концепция, которая только может существовать»¹⁵.

Следует отметить, что, призывая к радикальной социальной революции, ФОРА одновременно считала нужным вести борьбу за непосредственное улучшение положения трудящихся, здесь и сейчас: за сокращение рабочего времени до 6 часов, за повышение зарплаты, улучшение условий труда и т.д. В борьбе за такие требования она организовала сотни частичных забастовок. Но сама борьба за повседневные требования воспринималась ФОРА не как самоцель, ибо аргентинские рабочие анархисты прекрасно понимали, что индустриально-капиталистическую систему реформировать нельзя. Эти выступления рассматривались как своего рода революционная гимнастика, как обретение трудящимися забытой или задавленной капитализмом социальности, навыков солидарности и взаимопомощи. Эти навыки могли, наряду с идейной и культурной работой, по мнению ФОРА, помочь трудящимся преодолеть горизонты существующего общества и развить понимание «идеи-силы» социальной революции и анархистского коммунизма. Важно лишь, чтобы эта борьба велась на основе самоорганизации, прямого действия и самоуправления, без политических партий и бюрократов. Это есть, по сути, триада: сопротивление – самоорганизация – самоуправление.

Концепции ФОРА содержали блестящую по своей прозорливости критику отчуждающего и разрушительного характера индустриально-капиталистической системы и предложения, которые не только на полвека предвосхитили рекомендации и рецепты современных социальных движений, но и открывают путь для выхода современного анархизма из кризиса, в который его завели этатизм и реформизм.

Аргентинские рабочие-анархисты не отрицали применения насилия в ходе социальной борьбы – в качестве обороны от репрессий, террора и преследований «сверху». Митинги, организуемые ФОРА, неоднократно подвергались нападению полиции и войск, в ходе расстрелов манифестаций и стачек имелось множество жертв. Рабочие нередко отстреливались. 5-й конгресс Федерации рекомендовал членам оказывать всемерное сопротивление в случае ареста или задержания¹⁶. К индивидуальным покушениям и экспроприациям как тактике организации ФОРА относились отрицательно. «Систематический террор, – объяснял Абад де Сантильян, – не имеет

¹⁴ Abad de Santillan D. La Asociacion Internacional de los Trabajadores: su historia, sus ideas, su porvenir // La Revista Internacional Anarquista. 15.04.1926. P.133–134

¹⁵ Lopez Arango E., Abad de Santillan D. Op.cit. P.7–8

¹⁶ Yerril P., Rosser L. Op.cit. P.21

нашей теплой и солидарной симпатии. Мы не видели смысла в ежедневном убийстве хозяев, не верили, чтобы этот метод имел действительно революционную сущность. Мы не порицаем (такое) убийство..., но также мало его одобряем»¹⁷. В то же время, аргентинские рабочие анархисты с пониманием относились к актам личной мести палачам и угнетателям.

Вот, для примера, история двух символов-мучеников аргентинского анархизма. 1 мая 1909 г., по приказу начальника столичной полиции полковника Фалькона, полиция расстреляла рабочую демонстрацию, убив 8 и ранив 40 человек. В ноябре того же года анархист Симон Радовицкий бросил бомбу в экипаж полковника и убил его. На суде он заявил, что это был акт мести: «...Я убил полковника Фалькона, потому что он приказал убивать рабочих... Я – сын трудового народа и брат тех, кто был убит буржуазией». Радовицкий был приговорен к пожизненной каторге, и ФОРА в течение последующих 20 лет вела непрерывную кампанию за его освобождение. После всеобщей 24-часовой стачки в мае 1929 г. его удалось освободить¹⁸.

В 1921 г. войска под командованием полковника Варелы устроили кровавую расправу над забастовочным движением сельскохозяйственных рабочих Патагонии; погибло свыше 1100 человек. В январе 1923 г. немецкий анархист Курт Вилькенс застрелил полковника. Вилькенс зачитывался Толстым и отрицательно относился к насилию, но считал устранения палача делом своей совести. ФОРА также организовала мощную кампанию солидарности с «мстителем Юга». Абад де Сантильян писал в этой связи: «Ничто больше не чуждо его натуре, как террор; его культура, его чувства отталкивали этот способ пропаганды. Убийство полковника Варелы не есть никоим образом террористический акт, совершенный экзальтированным или фанатиком... Вилькенс убил полковника Варелу, как всякий человек с человеческими чувствами убил бы вредное животное, которое было бы опасно для человеческого общежития. Акт Вилькенса не есть акт террористический, не есть плод какой бы то ни было конспирации, не был совершен, чтобы повлиять и напугать правящие классы. Полковник Варела был страшнейшим преступником по отношению к рабочим, и Вилькенс, который был сильно возбужден трагедией «разбойников Юга», лишил его жизни, действуя серьезно и выполняя этот акт, как свою человеческую обязанность...»¹⁹.

Характерно, что подавляющее большинство трудящихся страны симпатизировало Вилькенсу и его мести. «Ни один рабочий Аргентины ни момента не сомневался, никто не ставил себе вопроса, должен ли он солидаризироваться с Вилькенсом, или нет. Немедленно, как только стало известно о смерти Варелы, все пролетарские сердца радостно забились и выразили тут же свою солидарность и восхищение мужественным товарищем, который пожертвовал своей жизнью, чтобы отомстить (за) страшное преступление... Симпатия к Вилькенсу – не умственная; она создалась внезапно, из сердца, не омраченная ни малейшей тенью сомнения. Акты чисто террористические не встречают такой единодушной и такой искренней солидарности, как та, которую встретил Вилькенс среди рабочих Аргентины»²⁰.

¹⁷ Усмирение Патагонии. Буэнос-Айрес, 1923. С.10

¹⁸ Yerril P., Rosser L. Op.cit. P.22–23, 30

¹⁹ Усмирение Патагонии... С.9–10

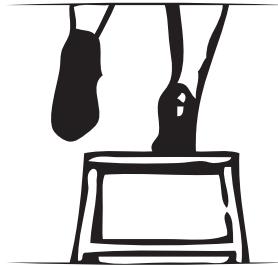
²⁰ Там же. С.11

Люди, признающие за государством абсолютное и суверенное право вешать правосудие от имени народа, конечно, никогда не согласятся с такой оценкой мести. Для них это – в лучшем случае безответственный «индивидуалистический» самосуд. Но такая реакция соответствовала менталитету аргентинца начала 20 столетия. Он не доверял правительству и не считал его, органы и службы «своими». Для него, наследника гаучо, государство было врагом. Вот что отмечал по этому поводу великий писатель Хорхе-Луис Борхес:

«Аргентинец, в отличие от североамериканцев и почти всех европейцев, не отождествляет себя с Государством... Гегелевская мысль о государстве как воплощении нравственной идеи, покажется ему неудачной шуткой. Фильмы, снятые в Голливуде, зачастую с восторгом излагают историю, в которой человек... завязывает дружбу с преступником, чтобы затем передать его в руки полиции; аргентинец, для которого дружба – это страсть, а полиция – своего рода мафия, воспринимает такого героя как отъявленного мерзавца... Аргентинский национальный герой – одиночка, сражающийся против многих – теперь..., в будущем и в прошлом».

Прямухинские чтения 2005 года. Тверь, 2006. С.159–166

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Вадим Дамье
Наследники Бакунина. ФОРА: рабочий анархизм в Аргентине
2005

Скопировано 08.08.2025
<https://web.archive.org/web/20160923035201/http://airrus.info/node/297>

ru.anarchistlibraries.net